

ПЕРО И СКАЛЬПЕЛЬ

Правда полезней тому, кто ее слышит, нежели тому, кто ее говорит.

Блез Паскаль

Ложь — религия рабов и хозяев.

Максим Горький

Лесть — это агрессия на коленях.

Гарри Блестнер

Некоторые считают, что сказочники пишут сказки только для детей. Нет сомнения, что великий русский поэт Пушкин был сказочником. Он писал просто-таки гениальные сказки, которые переведены практически на все языки мира. Однако сам поэт честно признавался, что никогда не писал сказок для детей. Об этом с убежденностью говорят и пушкиноведа. Все, без исключения, его сказки поистине были шедеврами философии и публицистики. То же самое можно сказать о Туманяне и Андерсене. Так что напрасно мы, расставаясь с детством, в то же время расстаемся и со сказками. Ведь в большинстве случаев все поучительные намеки адресованы взрослым, если не сказать — государственным мужам.

Конечно, детям нужно читать вслух и о пушкинской «золотой рыбке», и о туманяновской «капле меда», и об андерсеновском «мальчике-реалисте». Это необходимо хотя бы для того, чтобы самим освоить уроки гениальных сказочников, чтобы понять, наконец, что жадность и патологическая страсть к власти рано или поздно приведут к разбитому корыту; что в капле меда отражается вся жуткая цепная реакция раскола в обществе, чреватому самоуничтожению; что мальчик, олицетворяющий библейского младенца, устами которого глаголит истина, своей честностью, чистотой, непосредственностью открывает глаза именно взрослым на реальную действительность.

Великий Ханс Кристиан Андерсен как-то заметил что современники никак не хотели признать название его знаменитой сказки «Новое платье короля». Они упорно называли ее то «Голый король», то «Андерсеновский мальчик», а то и «Мальчик, который развенчал придворную ложь». Я лично думаю иначе.

Конечно, мальчик развенчал ложь взрослых своей детской простотой, своим детским реализмом, который не приемлет мистику. Но мне кажется, сверхзадача сказки в другом: мальчик спас самого короля от позора. Спас взрослого человека, ставшего жертвой лести. Ведь кто льстит, тот и унижает. Король, поверивший льстецам, уверявшим, будто на нем очень хорошо сидит новое платье, которого на самом деле не существует, был унижен хотя бы тем, что ходил голым по городу. И вдруг среди прорвы льстецов находится хотя бы одна чистая душа, которая и спасает каждого из нас. Может, этот самый голый король не стал бы посмешищем, если бы знал, что еще две с половиной тысячи лет назад в Афинах ходил по улицам человек по имени Антисфен, который, подобно глашатаям, громко восклицал: «Лучше достаться воронам, чем попасть к льстецам. Те пожирают мертвых, а эти — живых».

Удивительным человеком был философ Антисфен из Афин. Выбрал для себя философскую тему, от которой все его коллеги отказывались, и взялся за исследование такого явления, как «лесть». Он первым определил, что дурные люди от лести становятся еще дурнее; что от лести есть один иммунитет — это самоуважение. Но самое главное — это то, что лесть не так страшна для богов и царей, как для сатрапов и вассалов. Для небожителей и им подобным лесть — норма, даже «конституционная норма». Они подобны горбатым, которых только мгила исправит. Но вот сатрапы и вассалы, дворецкие и денщики, которые по роду и характеру службы постепенно становятся бесами лести, представляют особую опасность для общества. Будучи глазами и ушами своих хозяев, они заодно становятся и главными льстецами. Занимаясь доносами, они не только выслуживаются перед своими патронами, но и создают образы врагов и друзей в окружении вождя.

Бесы лести существовали всегда. Тысячи и тысячи лет назад философы искали ее причины и выработали признанную многими формулу: «Лесть начинается только там, где не находится места заслуженной похвале». Бывают времена, когда количество льстецов безбожно растет. Чаше всего — в переходный период, когда на одном полюсе безгранично льстят начальству, на другом — безгранично охаивают то же самое начальство. И если в обществе наблюдаются обе эти крайности, то жить в нем невыносимо. Еще в IV веке до нашей эры философ Кратет Фиванский дал образное определение этим крайностям: «Те, кто живет среди льстецов, так же беспомощны, как телята в стае

волков. Те же, кто живет среди людей, охаивающих все и вся, чувствует себя как в чужом доме». Против лести и охаивания есть испытанные в истории средства борьбы. Это правда и гласность.

Как бы ни пытались дискредитировать слово «гласность» в смутную пору горбачевской перестройки, все равно оно несет в себе некий спасительный заряд. Ведь даже легендарный андерсеновский мальчик не просто высказал правду, но сделал это открыто, прилюдно, гласно. Иначе была бы обесценена сама правда о голом короле. Знаменитый русский юрист, адвокат Анатолий Кони ратовал не просто за гласность, а за гласность широкую, систематическую. Некоторые его мысли стали академическими, хрестоматийными: «Отсутствие гласности — широкой, систематической и, что очень важно, способной заинтересовать, — быстро охлаждает добрые порывы в обществе. Является сомнение, недоверие, и коллективная «рука дающего», представляемая благотворительным учреждениям, оскудевает». Даже добрая мысль кажется опасной, когда она передается шепотом от одного к другому. Но вот тотчас же она теряет опасность, как только провозглашается во всеуслышание. Об этом должны знать все. Но особенно — все четыре ветви власти.

Хотят ли некоторые государствоведы или нет, но печать тоже является всамделишной ветвью власти. Ибо она не только создает общественное мнение, но и управляет им. Нравится та или иная газета или теле-радиоканал — абсолютно не имеет никакого значения. Министерство юстиции зарегистрировало, выдало документ с гербовой печатью — и все, баста. Любая печатная единица имеет одинаковые права с другими. И все эти единицы, будь то государственные, независимые, партийные или ведомственные, только вкуче составляют четвертую власть в государстве. Другое дело, что все они, без исключения, обязаны жить и функционировать в рамках соответствующего закона, принятого парламентом, который является второй властью. Это и есть пресса, печать, которую Дмитрий Лихачев назвал «бумажной совестью».

Не будем давать свои оценки прессе и печати, прекрасно зная, что одни считают ее «желтой», намекая на цвет золота, а, стало быть, на продажность ее; другие — «бульварной», намекая на страсть печати к сплетням; третьи, как уже говорилось, — «бумажной совестью». А вот бывший президент США Ричард Никсон, как никто другой знавший силу и мощь печати, признался: «Выгоднее вложить один доллар в прессу, чем

десять долларов — в оружие». Оценок и определений — великое множество. В конце концов, существует не только Бог, но и Сатана. И оружием прессы является не только правда, но и ложь в раскрытии вопросов религии, морали, права, этики, совести. Разговор же наш идет о реалиях жизни. О том, что общество наше расколото, а потому расколота печать. И тут уже очень трудно ответить на вопросы: кто макает перо в чернильницу Бога, а кто — Сатаны? на чьей стороне правда, на чьей — ложь? И это тоже реалии жизни. Мы часто забываем, что губит нас не правда, а то, каким образом мы ее высказываем (Вольтер), что ложь, если призадуматься, может быть вчерашней правдой. Увы, там, где нет гласности, у каждого своя «правда». Историки описывали и расписывали Сталинградскую битву при Сталине иначе, нежели при Хрущеве, а тем более — при Брежневе. Лишь когда за дело взялись не просто историки, а историческая наука, мы узнали истинную картину величайшего сражения.

Возвращаясь к реалиям и данности, к самому факту создавшейся у нас ситуации, к самой арифметике печати, имея в виду количество средств массовой информации, узаконенных министром, скажем о том, что все они, как бы это банально ни звучало, принадлежат народу. Мало того, все они не только создают общественное мнение, но и творят летопись и становятся архивной базой для историков. И в будущем, точнее, нашим потомкам будет все равно, как станет называться та или иная газета — проправительственной, оппозиционной, желтой (по цвету золота), красной (коммунизма), зеленой (ислама), голубой (...). Историки будут искать в них только правду и ничего кроме правды.

Реалии жизни в том, что все существующие средства массовой информации имеют право высказывать свою точку зрения. И если она не оспаривается, не становится предметом судебного разбирательства, как ложь и клевета, то в обязательном порядке нужно реагировать всем ветвям власти. А то что получается в нашей реальной и, скажем прямо, непростой жизни? Если газета оппозиционная и говорит правду, то ее почему-то можно обходить вниманием, несмотря на то, что материал раскрывает серьезную тему с неопровержимыми фактами. Ну, буквально, как говорится, «ноль внимания». Вот читатели и думают: раз есть такие газеты, на которые можно не обращать внимания, значит сам Бог велел плевать на печать вообще. А между тем игнорирование печатного слова карается законом.

Публикация в средствах массовой информации автоматически является своеобразным заявлением в прокуратуру, иском в суд. При этом не имеет значения, идет ли речь о правде или лжи. Просто подходы и решения бывают разными. Если же ложь и клевета безнаказанно проходят в печати, то за это несут ответственность те, кто обязан следить за соблюдением закона и законности, в том числе и президент как гарант Конституции.

Идею этих заметок подал мне философ Антисфен, который всегда призывал не бояться правды, не бояться опровержения, не сотворить из соотечественников врагов. «Того, кто тебя опровергает, — писал философ, — нужно не опровергать, а научить. Ведь одно безумство нельзя излечить другим безумством». Мне кажется, знаменитый Дэйл Карнеги, вошедший в историю как «специалист в области человеческих отношений», давая уроки предпринимателям, госчиновникам, прежде сам брал их у Антисфена. Ведь это Антисфен, обращаясь к своим коллегам, ко всей пишущей братии, советовал, чтобы те уважали даже друзей, ставших заклятыми врагами: «Тем, кто хочет спастись, кроме друзей нужны заклятые враги, которые своей бранью отвращают тебя от ошибок».

Мне посчастливилось быть знакомым с выдающимся советским публицистом Анатолием Аграновским, который, подобно андерсеновскому мальчику, открыл глаза общественности на волшебный талант «Доктора Федорова» (так назывался очерк в «Известиях»). Вызволил того из глухого неведения и чиновничьей опалы и тем самым спас не только окулиста-кудесника, но и миллионы людей от слепоты. Так что человеку свет можно вернуть не только скальпелем, но и пером. А свет всегда побеждает тьму.